

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР

АРГУМЕНТЫ

Порох взрывают изнутри

Уголовные дела в отношении директоров Пермского порохового завода — это уже система

Борис Михайлов

Генеральный директор ФКП «Пермский пороховой завод» Борис Шакуля — не первый топ-менеджер этого предприятия, в отношении которого заводят уголовное дело. На протяжении почти 10 лет несколько его предшественников уходили в отставку с поста директора, будучи под следствием. Однако Шакуля уверен, что он станет первым, кто превратит эту практику и нормализует обстановку на одном из важнейших заводов оборонного комплекса Пермского края.

— Борис Анатольевич, вы были назначены на должность генерального директора в декабре 2011 года. Какие задачи перед вами поставил собственник — государство в лице Минпромторга России?

— Существует государственная программа развития промышленности и повышения её конкурентоспособности. Программа рассчитана на период до 2020 года. По всей стране идут структурные преобразования предприятий оборонного комплекса. Есть в программе и раздел, посвящённый сохранению оборонных производственных комплексов, выпускающих пороха, ракетное топливо, взрывчатые материалы и т. д.

В рамках этой работы ФКП «Пермский пороховой завод», как и ФКП «Нижнетагильский институт испытания металлов», ожидает акционирование; ФКП «Новосибирский опытный завод измерительных приборов» будет ликвидировано. Ведётся работа по подготовке к объединению в единый «Пороховой центр» Пермского порохового завода, НИИ ПМ, завода «Урал». Всё это масштабные задачи, на их решение в федеральном бюджете предусмотрены средства — более 2,5 млрд руб. ежегодно до 2015 года включительно.

Эта работа подразумевает в том числе финансовое оздоровление предприятий, их технологическую модернизацию, решение кадровых проблем. Соответственно, мне были поставлены такие задачи: подготовить мероприятия по техническому перевооружению, вывести завод из финансового кризиса, а также помочь в этой работе другим предприятиям будущего холдинга — проблемы перед ними стоят схожие.

— Вы сказали «финансовый кризис». В чём он выражается?

— Скорее, «выражался». По итогам 2011 года Пермский пороховой завод показал около 500 млн руб. убытков. После моего назначения на должность мы стали проводить мероприятия по финансовому оздоровлению. Это привело к тому, что в следующий, 2012 год мы сократили убытки практически вдвое, а в 2013 году работаем с прибылью: на сегодняшний день она составляет около 12 млн руб.

Сокращение издержек было принципиальным требованием Минпромторга России. Дело в том, что структурные преобразования и техническое перевооружение требуют крупных инвестиций. Нам было сказано: предприятие не должно генерировать убытки. Одно из

двух: либо вы получаете субсидии на покрытие убытков, либо — инвестиции в развитие.

Понятно, что финансовое оздоровление невозможно без решения множества «сопутствующих» задач. Выросла производительность труда — с 592 до 938 тыс. руб. на человека в год. Выросла и средняя заработная плата — с 15 до почти 20 тыс. руб. В 2012 году мы приступили к реализации программы техперевооружения, провели конкурсы на разработку проектных решений. Победившие в конкурсах подрядчики — это компании госкорпорации «Ростехнологии» ОАО «СоюзНИИ-проект» и «Институт Пермгипромаш». В конце 2013 года проектировщики должны были представить результаты работы. Но на этом этапе мы столкнулись с серьёзными проблемами.

— Вы имеете в виду уголовное дело, возбуждённое в отношении вас?

— Уголовное дело — это вершина айсберга. Это одно из следствий комплекса проблем предприятия, отражение целой противоправной системы, выстроенной на Пермском пороховом заводе предыдущей командой.

— Подобные слова произносили и ваши предшественники, так что стоит уточнить, о какой «предыдущей команде» идёт речь...

— Речь идёт о команде управленцев, формально и неформально участвовавших в руководстве заводом с 1995 по 2011 годы. Это бывший генеральный директор, который был уволен в 2007 году. Бывший замдиректора по производству, бывший начальник отдела закупок, действующий главный инженер завода и некоторые другие.

— В чём выражается влияние этой команды? Какие события предшествовали уголовному делу?

— Когда я начал заниматься делами завода, обнаружил множество фактов незаконного вывода средств. Среди эпизодов — продажа заводу векселей обанкротившегося «Славянского банка», в котором хранились деньги указанных лиц. Или фиктивное списание оборудования, которое потом под видом нового оборудования было якобы «закуплено» и установлено на заводе. Была налажена система «откатов» и коммерческого подкупа при проведении закупок, искусственное завышение цен на сырьё для специальных изделий, закупка не нужных предприятию товаров и многое другое.

Понятно, что эта практика мною была прекращена. Почти все участники этих

схем были уволены, за исключением главного инженера. Его мы оставили в должности. Я рассчитывал на его профессионализм и на то, что пример бывших коллег пойдёт ему на пользу.

Должен признаться, что я ошибся. Поскольку главный инженер связан финансовыми интересами с остальными лицами, он совершил ряд действий по срыву гособоронзаказа и исполнению федеральных целевых программ по разработке проектов реконструкции производства смесового твёрдого топлива и реконструкции действующего производства порохов. То есть тех самых проектов, которые должны выполнять победившие в конкурсе подрядчики.

— Каким образом один главный инженер мог это сделать?

— Не один. Он и связанные с ним лица имели полную информацию о предприятии, состоянии производства и финансов, имели доступ к документации. Надо понимать, что в подчинении главного инженера работают целые технологические службы; он взаимодействует с главным технологом, с коммерческим директором, с начальником отдела комплектации и многими другими ключевыми на предприятии фигурами.

К слову, при подготовке указанных проектов мы столкнулись с проблемой получения первичной документации, сбора исходных данных. Выяснилось, что не существовало паспортизации зданий и объектов инфраструктуры, не проводилась геодезическая съёмка, архивы либо не хранились, либо были «расташены». Предоставление подрядчикам сведений, необходимых для выполнения проектных работ, главный инженер затягивал. Какие-то документы не передавал вообще. Всё это привело к срыву сроков.

— Предавая все эти сведения огласке, вы наверняка отдаёте себе отчёт в том, что они могут потребовать документального подтверждения...

— Разумеется. Более того, об этих и многих других фактах в конце мая мы написали министру промышленности и торговли РФ Денису Мантурову и генеральному директору корпорации «Ростехнологии» Сергею Чемезову пояснительную записку. В ней обстоятельно рассказывается о сложившейся на предприятии ситуации. Письмо мы сопроводили документами.

Попытки бывшей команды вернуть контроль над предприятием не прекращаются вот уже много лет, в ход идут любые методы. Мы рассчитываем, что с помощью федерального руководства сможем эти попытки прекратить.

— Как связана деятельность «предыдущей команды» с уголовным делом, возбуждённым в отношении вас? Не видите ли вы сходства вашего случая с уголовными делами в отношении ваших предшественников?

— Совершенно верно, аналогии прямые. По моей оценке, это говорит именно о системе: в целях прикрытия противоправной деятельности группы лиц

организуется уголовное преследование генерального директора. Преследование идёт со всем ворохом сопутствующих действий: выемка документов, постоянные опросы сотрудников, что вовсе не способствует нормальной работе предприятия и коллектива.

Наряду с оперативными мероприятиями сотрудники правоохранительных органов применяют и «неформальные» методы воздействия: фактическое задержание наших сотрудников при сдаче проектной документации на экспертизу в Москве, угрозы тюремным заключением, обман опрашиваемых работников завода и пр. Такие действия указывают либо на непрофессионализм, либо на заказной характер дела, но, я считаю, скорее, второе.

— Что заставляет вас так считать, помимо негативного опыта предшественников?

— По моей информации, заявление в правоохранительные органы было подано «под прикрытием» депутатского запроса от лидера КПРФ, направленного из другого источника. Связь бывшего директора с КПРФ общеизвестна. Достаточно вспомнить, как активно главный коммунист страны защищал бывшего руководителя порохового завода, когда тот был уволен — вплоть до личного визита в Пермь и организации масштабных PR-мероприятий по этому поводу.

Сегодня следствие, которому мы представили картину со всей полнотой и достоверностью, зашло в тупик. Прокуратура опротестовала ряд следственных решений. Но упорство, с которым следователи во что бы то ни стало желают «изготовить» дело, независимо от фактических обстоятельств и реальной экономической оценки, говорит само за себя.

— Вы являетесь руководителем оборонного госпредприятия, в недавнем прошлом — федеральным инспектором. То есть вы — «государственник» до мозга костей. Вопрос, скорее, личный: как ощущает себя такой человек как вы, попав под уголовное преследование со всеми признаками «заказа»?

— Действительно, на протяжении всего моего предыдущего опыта я был убеждён в том, что следственные органы, прокуратура, полиция — вся система работает исключительно на выполнение государственных задач честно, непредвзято и объективно. Отдельные нелицеприятные факты являются поводом для жёсткого реагирования и устранения недостатков.

Сегодня я оказался «по другую сторону баррикад». Я вижу, как правоохранительные органы фактически могут стать инструментом в руках лиц, ведущих противоправную деятельность, желающих и дальше обогащаться за счёт государственного предприятия.

Тем не менее я ни в коей мере не чиню препятствия следствию: иду на контакты, предоставляю все нужные сведения. У меня нет сомнений в том, что в конце концов органы следствия придут к правильному решению. ■